

Наталья БОНДАРЧУК:

ПУТЬ СЕРДЦА

Бондарчук Наталья

Актриса, сыгравшая в «Солярисе» и «Звезде пленительного счастья», «Красном и черном» и «Юности Петра»... Режиссер художественных картин «Пошехонская старина», «Медный всадник», «Живая радуга», «Юность Бэмби»... Руководитель детского эстетико-экологического объединения «Бэмби» и детского театра... Автор-постановщик публицистических лент о Сергии Радонежском и учении Живой Этики, работающая сейчас над многосерийным циклом «Путь сердца», посвященным исторической Экспедиции семьи Рерихов... Мама двоих детей — шестилетней Машеньки, играющей в театре, и семнадцатилетнего Ивана, написавшего музыку к первой части цикла «Алтай», уже представленной зрителям...

Не знаю, как все это может совмещать в себе одна Женщина. Знаю только, что зовут эту удивительную Женщину — Наталья БОНДАРЧУК.

— Наталья Сергеевна, вы недавно вернулись со съемок из Китая. Были у пещер Тысячи Будд, на высотах Тянь-Шаня... Понимаю, как трудно «облечь» в слова впечатления от такого путешествия, но, быть может, есть самое сильное, самое «выразимое»?

— Осознание величественности той задачи, которую выполнила семья Рерихов, и тех трудностей, которые им довелось преодолеть. Линия маршрута каравана, если посмотреть на карту, напоминает очертания человеческого эмбриона, что открывает одну из тайн Экспедиции, связанную с энергетическими магнитами буддистской культуры и цивилизации. Увидев же собственными глазами буквально раскаленные пустыни, перевернутые ветром автобусы, испытывавшие на себе все мыслимые и немыслимые тяготы климата, можно представить, что же выпало на долю семьи Рерихов семьдесят лет назад. А ведь мы прошли только малую часть пути. Впереди — Индия, Монголия, Тибет... Наверное, это звучит безумно сегодня, когда не на что снимать даже так называемое «приключенческое» кино. Но пока рядом есть люди, которые понимают и помогают, мы надеемся на лучшее.

— Представляя первую часть фильма «Путь сердца» — «Алтай», вы сказали, что разделяете учение Живой Этики пятнадцать лет. С чего началось ваше «движение» навстречу Агни-Йоге?

— С рождения, конечно. Все закладывается в детстве. Я выросла в семье, обращенной к духовности. Меня воспитала бабушка Анна Ивановна Герман, сибирская писательница, исследовавшая Алтай. Благодаря ей я познакомилась с алтайскими легендами, с произведениями великих классиков. Бабушка почти не читала

мне сказок, зато в шесть лет я уже слушала «Отверженных» Гюго...

Очень важными были годы учебы во ВГИКе, в мастерской Сергея Герасимова и Тамары Макаровой. Герасимов утверждал, что актером движет мысль, что сама мысль — есть действие. Можно безмолвно сидеть на сцене, правильно мыслить, и на тебя будет интересно смотреть. Известен же случай, когда Качалов встал после паузы, и за ним поднялся весь зал: так силен был гипнотический момент. Как бы мы ни относились к фильмам Герасимова — и «Тихий Дон», и «Молодая гвардия», и «Журналист» посвящены «строительству» себя. В них все время сквозит ирония: мы пытаемся усовершенствовать мир на собственном несовершенстве. Сергей Аполлинариевич внушал нам: вы должны стать личностью. Я считаю, что как учитель он был еще более велик, чем как режиссер. Не случайно мы играли в основном классику: Шекспир, Достоевский, Толстой...

— А в какой из ролей вас впервые увидел Андрей Тарковский?

— В роли Гертруды. Шекспир, «Гамлет», третий курс... Только на самом деле наша первая встреча состоялась намного раньше, когда мне было всего тринадцать. Мы жили на даче рядом с Ириной Александровной Жигалко, преподававшей во ВГИКе. Как-то раз я пришла к ней, когда собрались ее студенты. Один человек занимался самоваром, другой растапливал камин, третий сидел в «моем» кресле-качалке, что мне не понравилось вовсе... И вот спустя годы я узнаю, что тот, кто был с самоваром, — Василий Шукшин, второй, при камине, — Андрон Кончаловский, а занявший мое любимое кресло — Андрей Тарковский. Именно в тот день я вернула Ирине Александровне прочитанную книгу: «Солярис» Станислава Лема.

— Для многих из нас Андрей Тарковский — человек-легенда. Вы же снимались в его картине, общались с ним, наверное, спорили...

— Я всегда ощущала, что это человек какой-то мощнейшей — не столько даже интеллектуальной, сколько духовной силы. Говорил он почти бессвязно, был беззащитен, раним, как ребенок. И при этом творил миры. Он первым из нас доказал в кино торжество духа над материей, и это была борьба не на жизнь, а на смерть. Главная его картина, на мой взгляд, последняя. «Жертвоприношение» говорит о том, что в каждый момент своего бытия мы можем взять всю ответственность на себя. Полностью... Вообще, именно необратимые поступки, ответственность за совершенное и делает жизнь человека зна-

чимой. Это, собственно, утверждал Тарковский еще в «Солярисе». Поэтому и раньше, и сейчас я воспринимаю Андрея Арсеньевича как своего духовного учителя, который к тому же воспитал в нас очень строгое отношение к творчеству. На съемочной площадке не прощалось ничто: ни промахи с костюмом, ни погрешности в игре.

— Ваше решение поступить во ВГИК еще раз — на режиссерское отделение — созрело благодаря встрече с Тарковским?

— Знаете, я всегда мечтала об этом. Но я хорошо понимала, что в семнадцать лет мне никто не доверит режиссуру, и более того, создавала, что сначала нужно приобрести определенный образ внутри себя. Не существует внеавторского кино, и не являются художниками те, кто думает: «Вот расскажу зрителю анекдот поинтересней — и ладно. А что у меня внутри — мое личное дело». Такие люди вытаскивают на экран злобу, грязь, черноту, губят при этом себя и других.

— Наталья Сергеевна, почему после «Пошехонской старины» и «Медного всадника» вы стали снимать детские фильмы?

— Прежде чем я начала работать для детей, в моей судьбе произошло то знаменательное событие, которое я, наверное, ждала с рождения. Ко мне на стол попали книги Агни-Йоги, ее еще называют Живая Этика — знания, переданные гималайскими учителями через Елену Ивановну Рерих. (Подобные книги ведь не берутся с полки, они даются человеку по мере готовности их воспринять.) Случилось это в период съемок «Юности Петра». И когда я «погрузилась» в страницы Агни-Йоги... Не могу вам передать свои ощущения. Наконец-то я нашла то, что долгие искала: ответы на мучившие меня вопросы, подтверждение того, что сердце смутно уже знало. Живая Этика для меня — не религия, она все: учение жизни как таковой, наука, искусство, культура, вера...

Я всегда была довольно трагедийной личностью, воспринимала мир «драматизированно», тяжело. Оттого и героини мои такие. Агни-Йога вернула мне свет, свойственный детству. И когда я подумала, что мне теперь следует сделать как художнику, то решила: обратиться к детям. Показать им бесконечность и красоту природы. Красота ведь может спасти мир, только если люди не разучатся замечать ее. Правда, замышляя «Живую радугу» и «Юность Бэмби», я даже не предполагала, чем это обернется. Что возникнут клубы «Бэмби», потом — объединение и театр и что это станет делом моей жизни.

— За которое можно пойти на все? Двадцатипятидневная голодовка, которую вы провели несколько лет назад, отстаивая право труду на существование, переполошила Москву...

— У меня не было выхода. И потом, я не умею сдаваться там, где считаю себя правой. Энергия сопротивления — самая сильная энергия... Наверное, оттого наша страна еще жива и не утратила свою духовность, что постоянно сопротивлялась насилию. Я лично верю в будущее России, хотя и вижу его в общественном устройстве, к которому мы обязательно — естественным образом — придем.

— Семья в некотором смысле тоже маленькая община. Но отчего-то не слишком благополучная...

— Семейный очаг, к сожалению, действительно чаще всего — очаг раздора, что не случайно. Мы рождены для того, чтобы найти свою половинку, ибо в космосе не существуем отдельно. Поэтому женскому началу обязательно необходимо мужское, мужскому — женское. Но ключи от пар потеряны, и люди все напутали. Они уверовали, что достаточно соединиться физически и вот он — союз, гармония... Это такое заблуждение, такая неправда! Взаимоотношения ценны тем, что они создают в области духа, неважно, где именно — в искусстве, воспитании детей, служении высшему идеалу... Что бы ни происходило между двумя, если у них есть это третье — оно будет опорой.

Нам с Николаем Бурляевым тоже не удалось избежать трагедии расставания. И все же... мы сохранили и теплые чувства, и творческие узы. Вместе работаем над фильмом, спокойно «совмещаемся» в общем доме в Новодарьино. Коля любит детей, они — его. Это очень важно для ребят. Я когда-то сама пережила уход отца из семьи и хорошо помню свои страдания.

— Ваши с отцом отношения также не прерывались?

— Мы виделись довольно редко, но я всегда любила его как художника. И это духовное родство заменяло мне непосредственное общение. Кстати, нами ведь часто неправильно ин-

терпретируется понятие «платоническая связь». Данте был влюблен в Беатриче, она ушла в 12 лет, а связь осталась. И через нее поэт получил знания об устройстве другого мира... Пары могут быть разделены веками, а связь остается... Теперь, когда уже «открыта» множественность миров, все, что раньше воспринималось как легенды и сказки, становится абсолютной явью.

— Вы помните, как вы встретились с Николаем Бурляевым?

— Сначала мы увидели друг друга на экране. Коляно лицо мне сразу показалось родным (это была картина «Мама вышла замуж»), а Коля, посмотрев «Солярис», сказал своему другу, Василию Ливанову: «Эта женщина будет со мной». Позже мы уже познакомимся благодаря фильму «Как закалялась сталь», где Николаю предстояло играть Павла Корчагина, а я последовательно утверждалась то на одну, то на другую роль. В итоге Колю, как героя Достоевского (он тогда великолепно снялся в «Игроке»), заменили, а я сочла нужным уйти вместе с ним. Больше мы не расставались, хотя официально не регистрировались. Но — парадокс — годами наконец поставили штамп в паспорте, рядом вскоре появился другой. Что-то происходит в тот момент, когда естественная связь «подкрепляется» формальным обязательством... Не знаю.

Нам, впрочем, всегда было непросто, ибо как дети Тарковского (коими в той или иной мере мы являемся) мы унаследовали колоссальную чувствительность, нервность и такую вот... эгоцентричность. Все очень непросто, если встречаются две личности... Хотя, с другой стороны, когда думают, что пусть будет одна личность, а вторая как бы прислушивается, получается еще хуже. Каждый человек — индивидуальность, вселенная. И если эту Божественную сущность загнать под сапог, она все равно прорвется, протестуя. Живая Этика считает, что каждый человек в потенциции Бог. Нужно только помнить, что главное — служение Свету, непрерывный труд самосовершенствования, не видимый для окружающих.

— А как этот труд сочетается, к примеру, с бизнесом, с зарабатыванием денег?

— Все дело в личности. Есть такая притча: к Будде обратился человек: «Я хочу отдать то, что имею, что копил годами. Правда, от меня зависят другие люди, их благосостояние. Надо ли мне отказаться от всего и идти за тобой?» На что Будда ответил: «Приумножь то, что тебе дано, но во имя других...»

Можно много иметь и не быть к этому привязанным, а можно ходить в лохмотьях и желать, желать, желать... Нищета ведь — это кармическое наказание за жадность. Духовная же личность при любых обстоятельствах найдет и средства, и силы вести себя достойно.

— Наталья Сергеевна, то, что вы больше не снимаетесь как актриса, связано как-то с вашими взглядами? Не секрет, что, допуская, многие священники считают лицедейство грехом.

— Ни за что с ними не соглашусь. Грубая, возможно, фраза, но... любой священник — актер, проповедник — актер, любой человек на земле — тоже актер. Если хотите, я даже обожаю актерскую профессию. Человек учится быть сосредоточенным, оставляет свою самостную сущность, проникая в души других. Можно так прочесть стихотворение Пушкина «Пророк», что зазвенят все энергетические центры. И это тоже причастие.

Я отнюдь не рассталась с актерским искусством. В нашем театре у меня есть роли. Прикоснулась я сейчас и к очень серьезной задаче, связанной с фильмом «Путь сердца», где имеются игровые сцены. И, конечно, я понимаю, как важно для детей воплощать героические, светлые образы. Я говорю ребятам, играющим в спектакле «Снежная королева»: не полюбить и сыграть Герду — нельзя. Ведь только любовь растопила холодное сердце Кая.

— Обожествляя актерское искусство, как вы относитесь к тому, что иные актеры, даже великие, нечистоплотны и даже непорядочны в повседневной жизни?

— Но тогда я не называю их великими. У Марины Цветаевой есть фраза: высшая похвала великому человеку — то, что он был еще и прекрасным человеком. Такими для меня является семья Рерихов, олицетворяющая символы всего лучшего: лучшей пары, лучших детей, самоотверженности... Передать эти символы — счастье огромное. Вот этой семье я и посвящаю остаток своей временной жизни.

Татьяна ХАРЛОВА.

Фото Александра ТЯГНЫ-РЯДНО.

